

«ЧТОБ ПЛАЧ РАСХРИСТАННОГО МИРА БАЮКАТЬ КОЛЫХАНЬЕМ СТРУН»

(Рецензия на книгу Алексея Бурко
«Дождитесь момента»)

В наши дни книга уже не имеет такого сакрального значения, как ещё, предположим, лет двадцать – тридцать тому назад. Любая информация, в том числе и литературного свойства, стремительно переключивается из печатных на более современные носители, электронное чтение вошло в привычку, обмен сетевыми новостями стал нормой. До книг ли вечно спешащему читателю сегодня? А тем более до поэзии ли? И что вообще для нас сегодня выход новой поэтической книги?

Всеми этими вопросами я задалась, прочитав книгу стихов кемеровского автора Алексея Бурко «Дождитесь момента». Вообще, это удивительное чувство – когда держишь в руках новую книгу стихов. Ведь книга – это не только свод определённых стихотворений, оказавшихся волею случая и авторской прихоти под одной обложкой. Книга – явление мистическое, не меньше. Уживутся ли стихи рядом, найдут ли общий язык друг с другом и читателем, сумеют ли составить единое целое, которому суждено будет прожить долгую жизнь? От этого зависит судьба книги – интересно ли будет читателю гостевать на её страницах, захочется ли возвращаться к прочитанному, отложится ли в сердце сказанное поэтом? В общем, новая книга – это таинство, волшебство, если хотите.

И здесь очень важен бывает критический разбор, составленный по горячим следам прочтения. Именно как первая реакция, как собрание вкусовых ощущений после первого знакомства – здесь и сейчас. И первоначальные впечатления таковы: книга «Дождитесь момента» насыщена воздухом свободы, страстью, энергией и ещё... каким-то космическим, сверхразбитным отрицанием всего и вся, но главное – зазубренных, затверждённых кем-то и когда-то догм.

Алексей Бурко не новичок в литературе. За плечами успешное участие в поэтических конкурсах, публикации стихов в журнале «Огни Кузбасса» и коллективных сборниках, а также книга стихов и прозы «Будем летать...». А ещё – встречи и литературное общение, фестивали и походы – об этом замечательно сам автор говорит в задорном и ярком, лексически смелом стихотворении «Кузнецкий бассейн»:

*Я хлебал киселя в Киселёвске,
В шестаковскую степь уходил,
Я в Итате заказывал клёцки
В пёстром обществе дальних водил,*

*Я на Тёбе утюжил пороги,
По три дня фестивалил в Юрге,
Хмурый Каз проезжал по дороге
В горнолыжный крутой Шерегеш...*

Опыт, столь необходимый любому писателю, собран немалый, впечатлений хватит на несколько жизней. Отсюда – при должном уходе и бережном развитии – есть все предпосылки для роста крепких, сильных и больших стихов.

У поэзии Алексея Бурко есть нутро, есть стержень. Есть индивидуальность, свой, выработанный голос (или авторский почерк). Чуть перчика-иронии, тёплая щемящая лирика, своеобразные ракурсы, чёткая авторская позиция, тонкие отсылы к другим авторам, известным изречениям и символам, изысканные аллюзии, смелые, ломаные метафоры... Я говорю «ломаные», потому что они иногда недокручены до конца, словно предоставлены для додумывания читателю:

*Всем селеньям, народам, державам
Манифестую с пеной у рта,
Как надмирный Кузбасс уважаю
И приветствую звоном щита!..*

758
Благодаря окказионализму «манифестую» и образу щита, который читатель волен домыслить по своему, автор изящно уходит от прямолинейной назидательности и плакатности, обыгрывая свою причастность к направлению соцреализма, однако чётко демонстрируя тем не менее устремлённость в поэзию новых горизонтов.

Или:

*И так получается, нас одурачил
насмешливый ментор,
когда искушал в поцелуях чердачных:
«Дождитесь момента –*

*и вам повезёт, ведь на дальних маршрутах
есть тайные страны,
и если живут здесь одни лилипуты,
то там – великаны...*

Стихотворение «Теперь-то мы знаем» по-настоящему затрагивает душевные струны – правдивой глубиной своей, высокой болью, бесшабашной надеждой:

*Мы верили слепо, подобно баранам,
куда же деваться –
мы верить хотели, ведь было тогда нам
всего лишь по двадцать.*

*Теперь-то мы видим, что нет исполинов –
всё больше пигмеи,
а вместо летающих глыб-цеппелинов –
воздушные змеи...*

Метафора надежды и разочарования проходит через всё стихотворение, из строчки которого и взято название для всей книги. Оправдывается ли эта надежда юности на лучшее будущее? Об этом, собственно, вся книга...

А ещё в метафорах этого автора используются различные понятийные и лексические пласты. И, на мой взгляд, это придаёт своеобразия поэтическому языку и невероятно обогащает его. Например, «углекопные раны земли» – подача образа страдания через шахтёрские символы (стихотворение «Кузнецкий бассейн»). Или невидимые ладони, однажды прочно накрывшие плечи, словно военные погоны. То есть ладони эти видятся поэту как высшая награда, достижение (хотя погоны обычно награда заслуженная, а любовь всё же в большей степени дар). Но здесь как раз и кроется тонкость тропа: автор говорит о выстраданной любви, давшей боль, трудом...

«Поры щелястого тротуара» (стихотворение «Взрыв») – это тоже составная метафора, очень яркий образ. Здесь же отлично найдено слово «отзвучье». Вообще весь стих плотный, густой, непростой, хочется в нём производить раскопки, искать невидимые миру амфоры.

*Вздыхая дымы и перья,
взорвётся твой мир однажды,
и станет совсем неважно,
во что ты нелепо верил.
В мгновенной блестяшке сора,
в секунде щемящей боли,
в просвете ничтожной доли
мерцания светофора,
сближая мечты и страхи,
взметнётся снаряд баллисты,
свирепый, как бес бесстыдства
пупка обнажённой махи...*

Не могу не сказать, что в книге есть моменты, о которые словно спотыкаешься, но мне все они представляются легко устранимыми недочётами, над которыми автор ещё непременно проведёт работу. Например, коротенькое стихотворение «Давай улыбаться людям». Поскольку в нём явно слышны нотки из поэзии предшественников, я бы посоветовала поставить эпиграф – это всегда обогащает хорошие стихи (а это хорошие стихи!), к тому же демонстрирует эрудицию автора. Здесь слышится добрая переключка с Пастернаком («Давай ронять слова...») и Окуджавой («Дай же ты всем понемногу и не забудь про меня...»). Хотя мне почудилось ещё и окуджавское «Давайте говорить друг другу комплименты...». И ещё кажется спорным момент с сердечным грузом, обузой, от которой люди почему-то летают. Два устоявшихся образа (любовь как сердечный груз и любовь как полёт), соединяясь, словно взаимоисключают друг друга. Также неудачно звуко сочетание «ебилбы» – именно так на слух воспринимается строка «Я бил бы поклоны эти...»

Стихотворение «Предлагаю» довольно-таки достойный манифест поэта, за исключением двух

строка: «Полно пыжиться, потеть мышцами – / Не достигнуть вам моей выси!» Утверждение кажется слишком прямолинейным, к тому же потеющие мышцы не очень ладно складываются в образ. Сомнителен и образ клизмы-половодья в стихотворении «Карантин» из-за своего неоправданно снижающего поэтический градус эффекта:

*Тогда подросткам станет не до сна,
Мангалы звёзд затлеют в небосводе,
Тогда назначит эскулап-весна
Запорным рекам клизму-половодье.*

Ох, не всё то золото, что порой представляется автору точным и ярким сравнением!

Кстати, иногда именно выход книги необходим автору более, чем его читателю, поскольку стихи, абстрагируясь, уходя в другую плоскость, самому автору после издания начинают видеться несколько иначе. И это отличный шанс взглянуть на своё творчество со стороны, оценить его заново, увидеть написанное глазами критика и читателя и понять, что и где ещё можно докрутить. А для этого очень хорошо иметь возможность дать стихам дозреть уже в свободном полёте.

Но находок, конечно, гораздо больше, чем недочётов. Легко и даже дерзко поэт пользуется разными частями речи, которые у него переходят при необходимости одна в другую, создавая изобразительные тоннели: «шестаковская», «манифестую» и т. д. Это яркий показатель свободы и даже иррациональности авторского мышления, которой сегодня очень не хватает многим внешне переусложнённым, идущим от формы пиитам.

В стихотворении «Хвост Тельца замахнулся Стожарами...» замечательно показано зарождение мечты и юношеское отношение к жизни как к счастливому билету, огромному звёздному небу, распахнутому только для тебя, когда всё впервые:

*Хвост Тельца замахнулся Стожарами,
Звёздный пояс надел Орион.
Мы лежим в одиночку и парами
И тарачимся на небосклон...*

Здорово схвачено и передано ощущение тоски по взлётам без названий, взгляд на себя из сегодняшнего взрослого мира, где все звёзды, увы, уже открыты...

Ложится на душу и стихотворение «Пришли стихи» – такое чистое-лучистое, очень светлое, полное не мук, но радости творчества. Блестящим по исполнению да и по мысли представляется это стихотворение.

*Тревожной музыкой спугнув дом
И развевая сквозняком шторы,
Ночное небо будет слать гром
И умыть своим дождём город.*

*А после этого прольёт свет
Великолепная луна-месяц
На то, что лучше ничего нет
На свете радостных ночных песен...*

759

Сложное, глубокое, изысканное написанное стихотворение – вот разве что эпитет «великолепная» может быть заменён более живым и ёмким. «Уставший гений» – едкая вещица, многослойная, с хорошей сатирической закваской. Но я бы сделала взор не пронзающим (что он пронзает?), а пронзительным.

Сильная вещь «На перроне» – выверенная, законченная, философски-объёмная. Большими поэтическими удачами видятся такие стихи, как «Попутчику», «Всё нет тепла», «Как, замирая, душа поёт...», «Первый поклонник» (очень нежное стихотворение, оригинальное, и про поле с лесом остроумно, и как-то очень чисто при этом – «преследовать полем того, кто послал тебя лесом»).

*...Мы будем смеяться и жить, мы себя не уроним
попыткой ничтожной предречь окончание света,
пока ещё чей-то мелок в онемевшей ладони
корябает стылый бетон: «Я люблю тебя, Света!»*

Украшают сборник и стихотворения «Различаю тебя...», «Как много значит короткий миг» («сотня праведных дездемон» – это сильно!), «Пепел» («Ты пишешь мне бесчувственные строки, / Но я, любя, читаю между строк» – чудный афоризм!), «Я остаюсь!», «Магнат», «С тобой, недорогой...» (вроде и не ново, но искренне, горячо, щемяще). Великолепную игру контрастами представляет собой и заключительное стихотворение книги – «Лети!»:

*Молочнокрылым мотыльком
рябит ночная тьма...
Я наставлял себя тайком,
как не сойти с ума.*

*Я обучался, как уйти,
не опасаясь дня,
когда скажу тебе: «Лети,
я не умру, любя...»*

Впечатляют нравственные поиски автора, попытку вывести на чистую воду низкое и подлое, что ощущается не только в людях и их поступках, но, кажется, и в самом времени.

Вообще в масштабности мировосприятия, размашистости письма, пропускной способности строки (когда время проходит сквозь каждый образ и фразу) в стихах Алексея Бурко чувствуется влияние Маяковского и, возможно, Юрия Кузнецова. Но я думаю, что в этом нет ничего плохого, напротив, такого вот размаха и не хватает подчас погрязшей в куртуазной образности сегодняшней манерно-изысканной поэзии. Ведь буквально набатом звучит бурковское:

*Стомильно трубящим шаром
Сжирающих всё племён
По миру катят пожары
Последних его времён.*

И кажется, что автор действительно имеет право на такие слова. Главное, не сбить прицел, не поте-

рять точку отсчёта, удержаться на этой неколебимой вере в свою правоту, при этом не зарвавшись, но и не скатившись в комплекс неполноценности. И тогда покаянные слова будут звучать поистине горьким признанием целой страны, от лица которой написано замечательное по силе стихотворение «Повинное»:

*И не мог наш мятеж
завершиться успехом.
Крах напрасных надежд
отзывается эхом.
Против ветра гребли
и с бурьяном братались.
Ничего не смогли,
но хотя бы пытались.*

Неожиданный и потому взрывающий вывод «хотя бы пытались» – ещё одна грань бурковского протеста, замешанного на революциях и бунтах, на всех «нельзя» и всех кандалах ушедшей эпохи.

Важная знаковая часть поэзии Алексея – её чёткий гендерный посыл. Это поэзия абсолютно мужская, её метафоры жёсткие, размах – державный, авторский взгляд на мир – эпический. И это здорово. Веет от этих строк да и от всей книги настоящей буйной силищей сибиряка, буквально мускулы играют да косточки похрустывают. Есть что-то в лирическом герое Бурко подлинно богатырское. Верится, что такому и впрямь под силу баюкать «плач расхристанного мира» (стихотворение «Тяжёлая лира»).

*Теперь с собой покорно пру
тяжёлую бандуру-лиру,
чтоб плач расхристанного мира
баюкать колыханьем струн.*

Небольшой по объёму поэтический сборник всегда сложнее по построению более развёрнутой книги, ведь здесь каждое стихотворение на виду, здесь не спрятать ошибку, если она есть, не подменить качества количеством. И как раз в смысле сочетаемости книга «Дождитесь момента» мне видится очень гармоничной и слаженной: в ней как бы присутствует сквозное действие, но тем не менее нет чёткого сюжета, и читатель имеет возможность свободно перемещаться от конца к началу и наоборот без ущерба для понимания.

Название книги мне видится говорящим и даже в чём-то пророческим. Во всяком случае, российский читатель действительно дождался момента – и к нему пришли новые стихи Алексея Бурко со всей их искренней богатырской мощью, лишённой позы совестливостью и сибирской неоглядной силой. Будем надеяться, что и книга дождётся своего момента – верного и чуткого читателя, ценителя настоящего поэтического слова. Чего я с большой надеждой и от всей души желаю Алексею!

Валерия САЛТАНОВА,
член Союза писателей России,
г. Ростов-на-Дону